

Марк ЗАХАРОВ:

Я не понимаю, что делать с булгаковским КОТОМ

▶ ЗНАМЕНИТЫЙ РЕЖИССЕР МНОГО РАЗ ОТКАЗЫВАЛСЯ СТАВИТЬ «МАСТЕРА И МАРГАРИТУ»

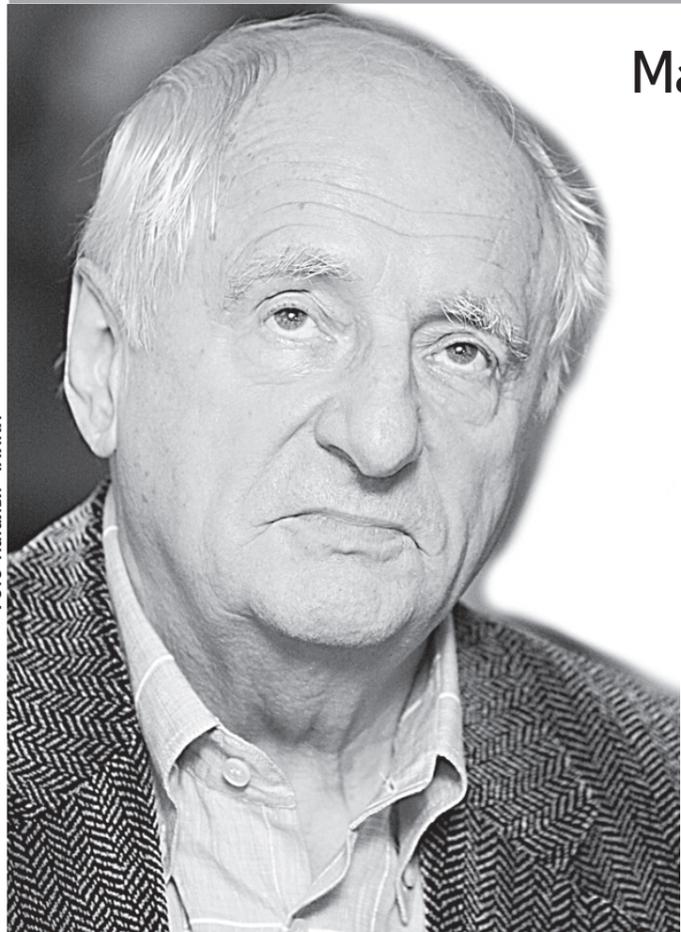

Фото Натальи ЧАЙКИ

Петербурге продолжают гастроли Московского театра «Ленком». Главный режиссер театра Марк Захаров рассказал корреспонденту «П» Зинаиде АРСЕНЬЕвой о том, почему театр никогда не умрет, и о том, почему его любимое слово — «собаки».

ТЕАТР — ЭТО МАГИЯ

— Марк Анатольевич, вашему театру пришлось пережить много горьких утрат. Не собираетесь ли вы возвращать бывших ленкомовцев, которые когда-то ушли, например Дмитрия Марьянова, выросшего в мощного актера?

— Нет, наверное, все, что происходит, закономерно. Из театра уходили по своей воле не так уж много людей. По-настоящему я сожалел, когда ушла Татьяна Догилева. Был такой момент, когда у нее не было ролей. Так бывает в театре. Когда-то не было ролей у Чуриковой и у Янковского. Тут надо уметь ждать — ждать сочетания каких-то благоприятных факторов, обстоятельств. Не все могут это.

— Отчего даже в наше время, когда так много соблазнов и развлечений, театр все же остается востребованным и даже, можно сказать, любимым зрелищем?

— В пустом зале сидят человека два или один, как любила делать наша комиссия, которая принимала спектакль. Спектакль не может состояться в пустом пространстве. Когда пространство заполняется и наполняется энергией, если спектакль хороший, то включается какая-то вечная человеческая потребность. Я не хочу ничего упрощать, но есть такое вот клубное ощущение, когда люди хотят быть вместе. Я был в Греции на гастролях, там есть такая улица, где много ресторанов однотипных, хороших. Вот один, другой, третий, а есть вдруг такой, который набит. Отчего? Оттого, что удалось создать такую притягательную атмосферу и они получают там ощущения, которые не могут получать в другом месте. Театр обладает некой энергетической магией. Вы знаете, Сталин — не лучшая фигура в нашей истории — много раз во МХАТе смотрел «Дни Турбиных» по пьесе Булгакова. Он знал содержание, знал все, но была некая магия

этого спектакля, которая втягивала людей разной конституции, разного психологического настроения.

— ам много раз предлагали поставить «Мастера и Маргариту», но вы всегда отказываетесь. Почему?

— Несколько есть причин. Меня смущает, что если в «Фаусте» Мефистофель — не настоящий дьявол, а скорее такой театральный персонаж, то булгаковский Воланд — это именно представитель нечистой силы.

Во-вторых, роман слишком любим, его любят самозабвенно. И у каждого есть свое представление о нем, о персонажах. Я, например, не понимаю, что делать с котом, который для меня — важный персонаж. То, что сделал Бортко, — топорно, а как по-другому?

НЕПРАВИЛЬНЫЕ НОВОСТИ

— одним интервью вы говорили о московском празднике, карнавале и вдруг сказали, что вам сложно радоваться и развлекаться, когда вы знаете, что вот сейчас, в этот момент, жители затопленного Ленска остались без крова. Меня это потрясло. Редко когда в наше время благополучный столичный человек переживает из-за людей, живущих на другом краю страны, людей, которых он знает не знает...

— Я думаю, что ничего в этом особенно нет. Вот этим летом я был с семьей в Германии, отдыхал и лечился. Очень красивое место, насыщенное, чистый воздух, очень там хорошо, иногда накрапывал дождик... И я смотрел каждый день эти страшные новостные программы про Москву, про Россию — жара, пожары... Я не думал, что могу так сопереживать! На физическом уровне — повышалось давление, усиливалось сердцебие-

В спектакле «Вишневый сад» Марк Захаров показал неожиданного Чехова.

Фото Натальи ЧАЙКИ

ние. И очень раздражало неумение рассказывать об этом умно, были какие-то дурацкие монтажные стыки, неумелые комментарии. Новостная программа — это все-таки тоже произведение искусства, которое должно собираться и монтироваться на высоком уровне. А у нас почти все программы сделаны непрофессионально. Чистота жанра нарушена.

В ПОИСКАХ СМЫСЛА ЖИЗНИ

— Театральный народ суверен. Но, может быть, приоткроете завесу над спектаклями, над которыми сейчас работаете? Вы говорили об «Аквитанской львице» и «Пере Гюнте». Они уже в работе?

— «Пера Гюнта» мы не запускали очень долго. Пьесу сегодня невозможно поставить так, как она написана, ведь написана она все-таки была очень давно. Сейчас прочесть вторую часть — такой же подвиг, как одолеть «Одиссею» или перечесть всего Еврипида. Это работа.

Я сделал сценическую версию. Мы провели немножко репетиций. Сделали оформление. Я заручился поддержкой очень интересного человека — Олега Глушкова, это московский балетмейстер с явно режиссерскими мозгами. Я посмотрел некоторые его работы, иные даже по два раза, и мне показалось, что мы с ним вдвоем можем сделать спектакль в жанре пластического зрелища. Мне потом рассказали умные люди, что Ибсен — это вообще начало новой драматургии, новой литературы. В конце XIX сто-

летия он заложил основы того, что мы теперь называем экзистенциализмом. Новое представление о герое, который ищет смысл жизни, который рассматривает свою жизнь не как что-то бесконечное, а как то, во что он должен уместить программу, предназначенную Богом. Но вот найти эту программу — совсем непросто.

Недавно нашли очень интересные письма Гоголя к матери. Он был переполнен энергией, понимал, что он — не случайный гость на Земле, что он должен сделать что-то великое. Матушке своей он так и писал. Но он еще не знал, что именно. И первые его опыты литературные были далеки от последующих шедевров. Но ощущение того, что он должен сделать что-то важное и большое для людей и литературы, у него присутствовало.

ЛЮБИМОЕ СЛОВО

— программе ладимира Познера у вас спросили о том, какое ваше любимое слово. И вы сказали — «собака»...

— Я сказал — «собаки».

— Почему? вы любите собак?

— Очень люблю!

— И у вас есть собаки дома?

— У меня две собаки — фокстерьер с ужасно подвижным характером и эрдельтерьер. Они совершенно разные, очень интересно за ними наблюдать. Когда гроза, молнии, гром — фокстерьер прячется, залезает под ванну, а эрдель выходит на улицу смотреть, какой грозовой фронт, как льется дождь...

Спектакль не может состояться в пустом пространстве. Когда пространство заполняется и наполняется энергией, если спектакль хороший, то включается какая-то вечная человеческая потребность. Я не хочу ничего упрощать, но есть такое вот клубное ощущение, когда люди хотят быть вместе.